

ОБРАЗ ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ В СТРУКТУРЕ РОМАНА "ИДИОТ" Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

UDC 821.161.1.09

Tereza V. Mijiferjyan

Yerevan State University, Armenia

Abstract. *In Dostojievski's novels, the role and function of the narrator changes from novel, so, every time he acquires a new identity.*

The analytical presentation of the narrator's personality, the image of his presence in the narrative construction of the text, are fundamental to mark out the writer's part in his work.

В "великом пятикнижии" Достоевского роль и функции повествователя трансформируются от романа к роману, всякий раз приобретая новое качество. Анализ образа повествователя, меры его присутствия в повествовательной организации текста необходим для выявления авторской позиции в творчестве Достоевского.

В "Преступлении и наказании" повествование оформляет безличный повествователь, который растворён в тексте, незаметен в нём, в силу чего его позиция близка к авторской, почти совпадает с ней. В "Идиоте" присутствие повествователя более выпукло ощущается в романе, хотя он ещё не приобретает качества определённой личности со своим складом речи, характером, биографией. В "Бесах" – это Хроникер, г-н Г-ов, человек с нарочито ограниченным знанием людей и событий. В "Подростке" повествование оформлено в виде личных записей Аркадия Долгорукого, и, наконец, в "Братьях Карамазовых" повествование ведёт житель Ското-пригоньевска, представляющий собой трансформацию Хроникера из "Бесов".

В романе "Идиот" текст пестрит личным местоимением I лица множественного числа – "мы". Повествователь зачастую конспективно перечисляет те события, которые не были детально изложены, или преподносит массу слухов, какими обрастает тот или иной эпизод, уже описанный в романе. Так, после накала встречи Аглаи и Настасьи Филипповны и выбора князем последней, повествователь в качестве человека из толпы преподносит посвящённому читателю массу нелепых толкований этого события и обосновывает введение их в роман: "Чтобы не ставить себя ещё в более фальшивое положение, лучше постараемся объясниться на примере, и, может быть, благосклонный читатель поймёт, в чём именно мы затрудняемся, тем

более, что этот пример не будет отступлением, а, напротив, прямым и непосредственным продолжением рассказа"¹.

На протяжении романа повествователь позволяет себе такие прямые оценки описываемого, как "наш необычный рассказ", "наша странная история" и т. п. В связи с этим мы введём термин "личный повествователь" для обозначения лица, оформляющего повествование в "Идиоте", и для дифференциации его с безличным повествователем из "Преступления и наказания".

В специальных главах-введениях к III и IV частям романа личный повествователь прерывает развитие сюжета, комментирует некоторые события, характеризует отдельных персонажей. Кроме того, он рассуждает о литературных проблемах, анализирует социальную расстановку сил в современном ему обществе.

Стиль и манера изложения в этих главах указывают на Достоевского – автора "Дневника писателя". Повествователь говорит о том, что до настоящего времени писатели "в своих романах и повестях болтшею частью старались брать типы общества и представлять их образно и художественно, - типы, чрезвычайно редко встречающиеся в действительности целиком и которые тем не менее почти действительнее самой действительности" (VIII, 383). В качестве примера приводятся Подколесин из "Женитьбы" Гоголя и Жорж Данден из одноименной комедии Мольера. Отмечается, что в литературные произведения крайне редко попадают люди, "которых обыкновенно называют обыкновенными, "большинством" и которые, действительно, составляют огромное большинство всякого общества. Повествующий в данном случае чувствует некоторую странность присутствия в романе рассуждений о литературе и замечает:

"Итак, не вдаваясь в более серьезные объяснения, мы скажем только, что в действительности типичность лиц как бы разбавляется водой и все эти Жорж Дандены и Подколесины существуют действительно, спуют и бегают перед нами ежедневно, но как бы в несколько разжиженном состоянии. Оговорившись, наконец, в том, для полноты истины, что и весь Жорж Данден целиком, как его создал Мольер, тоже может встретиться в действительности, хотя и редко, **мы тем закончим наше рассуждение, которое начинает становиться похожим на журнальную критику**" (VIII, 383).

Повествователь замечает, что необходимо включать в литературные произведения и людей обыкновенных, ординарных, так как наполнять роман одними типами неправдоподобно и неинтересно. Введение людей обыкновенных в литературу повествователь обосновывает тем, что, когда в обществе появляется слишком много ординарностей, то они приобретают своего рода типичность. Да и само время буржуазной переоценки ценностей в России вызвало к жизни необыкновенное множество людей, высшим критерием всего сделавших деньги, в силу чего подвергшихся умственной и нравственной нивелировке. Так вступает в силу закон Достоевского-писателя, сформулированный им самим как "реализм в высшем смысле этого слова". И если Достоевского как никакого другого писателя обвиняли в выведении совершенно фантастических персонажей, то при более внимательном прочтении его произведений это положение можно оспорить, ибо кроме не совсем

¹ Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Том VIII, с. 473. Л., "Наука", 1973. В дальнейшем ссылки на это издание будут даваться в тексте: том обозначается римской цифрой, страница – арабскими.

обычных героев (Мышкин, Настасья Филипповна, Рогожин, Аглая), есть немало персонажей, которые попадают под категорию людей ординарных даже будучи изображёнными в необыкновенных ситуациях.

В романе "Идиот" таковыми являются прежде всего Ганя Иволгин, его сестра, зять. Повествователь специально останавливается на характеристике этих персонажей, замечая:

"К этому-то разряду "обыкновенных", или "ординарных", людей принадлежат и некоторые лица **нашего рассказа**, доселе (**сознаюсь в том**) **мало разъясненные читателю**. Таковы именно Варвара Ардалионовна Птицына, супруг её, господин Птицын, Гаврила Ардалионович, её брат" (VIII, 384).

В возможности появления прямооценочной характеристики действующих лиц в тексте романа вновь проявляется принципиальное отличие функций безличного повествователя в "Преступлении и наказании" и личного повествователя в "Идиоте". Безличный повествователь сдержан в описаниях, оценка даже второстепенных персонажей складывается из портретной характеристики, мнений других героев, скрытой иронии повествователя. Только при описании Лебезятникова манера изложения несколько видоизменяется и повествователем прямо высказывается мнение не об одном лице, а о типе людей, существующих всегда и везде и опошляющих всё своим присутствием. В романе "Идиот" личный повествователь предваряет своей характеристикой появление почти каждого нового персонажа, психологизирует по этому поводу. Только более сложные герои не снабжаются маркированной характеристикой, они раскрываются постепенно, через свои поступки и мысли (Мышкин, Рогожин, Настасья Филипповна), или же характеризуются друг другом. Личный повествователь очень сдержан по отношению к этим героям, избегает прямых оценок и только корректирует мысли и высказывания других персонажей по отношению к ним. Так, когда Ганя чуть ли не с первых мгновений встречи с князем беспрерывно именуется того идиотом, повествователь отмечает: "Но именно через бешенство он и ослеп; иначе он давно бы обратил внимание на то, что этот "идиот", которого он так третирует, что-то уж слишком скоро и тонко умеет иногда всё понять и чрезвычайно удовлетворительно передать" (VIII, 75). Высказывание же самого Мышкина о Гане совпадает с мнением повествователя, который причислил Ганю к разряду "обыкновенных" людей. В первой части романа, где почти все события и персонажи кажутся необыкновенными, фантастическими, где за день происходит столько всего, князь Мышкин замечает Гане:

"Я вас подлецом теперь уже никогда не буду считать, - сказал князь. - Давеча я вас уже совсем за злодея почитал, и вдруг вы меня так обрадовали, - вот и урок: не судить, не имея опыта. Теперь я вижу, что вас не только за злодея, но и за слишком испорченного человека считать нельзя. Вы, по-моему, просто самый обыкновенный человек, какой только может быть, разве только что слабый очень и нисколько не оригинальный" (VIII, 104).

Сказать что-либо более оскорбительное в адрес Гани Иволгина было невозможно. И повествователь так объясняет нам это в своём отступлении. Он подразделяет людей ординарных, в свою очередь, на два разряда: "одни ограниченные", другие "гораздо поумнее". К "ограниченным" принадлежит г-н Птицын. Вновь возвращаясь к типам, описанным в литературе, повествователь говорит о том, что вершиной изображения людей "ограниченно ординарных" является поручик Пирогов, выведенный Гоголем. Он настолько самоуверен, что даже после того, как великий

писатель принуждён был высечь его для "удовлетворения оскорблённого чувства своего читателя, тот съел слоёный пирожок и успокоился".

Приблизительно таким же показан и Птицын. Он считает свою деятельность в качестве ростовщика вполне естественной, вызванной требованием времени (вспомним Лужина с теорией "целого кафтана", из которой вытекает и общественное благосостояние). Деньги нынче в большой цене, и он в этом виноватым себя не считает. Ограничивая себя во многом, он скопил капитал, и пределом его мечтаний является не Ротшильдово богатство, а два дома на Литейном (про себя он покушается на мечту о трёх домах, но не высказывается вслух). Повествователь иронично добавляет, что **природа** наградит Птицына даже не тремя, а четырьмя домами, но дальше этого не пойдёт.

С Гаврилой Ардалионовичем всё обстоит сложнее. Он причисляется к разряду обычных людей "гораздо поумнее". Будучи страстно заражён желанием оригинальности, Ганя при этом постоянно чувствует свою обыкновенность, и это для него мучительнее всего. Ганя считает, что если уж "подличать, так подличать до конца", однако никогда не доходит "до последних столбов". На наш взгляд, он является определённой трансформацией Разумихина из "Преступления и наказания". И, хотя Разумихин более склонен к хорошему, а Ганя к плохому, суть образа от этого не меняется. Вся трагедия Гани заключалась в том, что для безрассудного поступка он был слишком рассудительным, для подлого – всё-таки честным (впрочем, на маленькую подлость он был готов всегда). В силу этого Ганя пребывает в постоянном проигрыше. Вообразив, что деньги – это главное, он мечтает стать "королём иудейским". Потеряв и Аглаю, и деньги Настасьи Филипповны, он презирает Птицына за то, что тот без размаха делает то, что собирался делать сам. Ганя советует зятю стать "Ротшильдом, королём иудейским". (Эта же идея в дальнейшем повторится в "Подростке" в образе Аркадия Долгорукого, которому для полноты счастья достаточно стать хотя бы **тайным** Ротшильдом).

В этом свете становится понятной реакция Гани на вышеприведённые слова князя Мышкина:

"Вы мне говорите, что я человек не оригинальный. Заметьте себе, милый князь, что нет ничего обиднее **человеку нашего времени и племени**, как сказать ему, что он не оригинален, слаб характером, без особенных талантов и человек обыкновенный. Вы меня даже хорошим подлецом не удостоили счесть, и, знаете, я вас давеча съесть за это хотел! Вы меня пуще Епанчина оскорбили, который меня считает (и без разговоров, без соблазнов, в простоте души, заметьте это) способным ему жену продать!" (VIII, 105).

Фигура генерала Епанчина, на ограниченность которого указывает даже Ганя Иволгин, как бы выведена в романе для подтверждения наглядным примером рассуждений личного повествователя в главе-введении к третьей части романа. Там говорится о том, что в России есть мало людей практических, а генералов – много. Что тип генерала считается чуть ли не пределом русского счастья ("Будешь в золоте ходить, генеральский чин носить!"). И что, "в сущности", не сделаться генералом мог у нас один только человек оригинальный, другими словами, **беспокойный**" (VIII, 270).

Глава семейства, Иван Фёдорович Епанчин, **генерал**, выключается личным повествователем из общей характеристики семейства. "Эти люди, или по крайней мере **наиболее рассуждающие члены в этом семействе**, постоянно страдали от

одного общего их фамильного качества, прямо противоположного тем **добродетелям**, о которых **мы** сейчас рассуждали выше. Не понимая факта вполне (потому что его трудно понять), они всё-таки иногда подозревали, что у них в семействе как-то всё идёт не так, как у всех" (VIII, 270).

Анализ семейства Епанчиных личным повествователем постепенно переходит в несобственно-прямую речь Лизаветы Прокофьевны, которая себя, свой несчастный характер считает источником всех бед своей семьи. В описаниях Лизаветы Прокофьевны личным повествователем часто просматривается ирония. Однако, эта ирония беззлобна, и, скорее, подчёркивает выплески природы чистой и эмоциональной, нежели высмеивает. Лизавета Прокофьевна, безусловно, смешна в своей оглядке на Белоконскую, в приступах наигранного непонимания элементарных вещей, но, по сути, она сердцем чувствует глубже и истиннее многих. Так, она, увидев князя, сразу отмечает поверхностное "впечатление" своего супруга и оценивает "победительное" смирение Льва Николаевича. Она в состоянии проникнуться трагедией Ипполита, мальчика, отторгнувшего себя от людей постоянной мыслью о близкой смерти. Именно Лизавета Прокофьевна, в принципе ориентирующаяся на мнение людей, созданных на смотрины жениха, после "провала" князя, спровоцированного Аглаей, стыдит дочь:

Этого я не ожидала от тебя, - проговорила она с огорчением, - жених он невозможный, я знаю, и слава богу, что так сошлось; но от тебя-то я таких слов не ждала! Я думала, другое от тебя будет. **Я бы тех всех вчерашних прогнала, а его оставила, вот он какой человек!..(XIII, 460).**

И она же единственная горько оплакивает погружённого в скорбное забытие князя в конце романа. Лизавета Прокофьевна очень чувствительна к пошлости, ординарности, существующим за счёт интриг и мелкой подлости. Поэтому, хоть князь и "жених невозможный", он всё же предпочтительнее Гани Иволгина (в этом же качестве), в действиях которого ясно видится расчёт. Не любит Лизавета Прокофьевна и Варвару Ардалионовну, которая, в отличие от брата, не терзается своей обыкновенностью. Выходя замуж за Птицына, Варя совершает свой первый практический шаг в жизни, рассчитав, что будущий супруг её "человек скромный, приятный, **почти образованный и большой подлости ни за что никогда не делает**. О мелких подлостях Варвара Ардалионовна не справлялась, как о мелочах; да где же и нет таких мелочей?"(VII, 388).

Но отчего-то всё же становилось беспокойно Варваре Ардалионовне: "Одно только иногда замечала в себе, что и она, пожалуй, злится, что и в ней очень много самолюбия и чуть ли даже не раздавленного тщеславия, особенно замечала она это в иные минуты, почти каждый раз, как уходила от Епанчиных" (VIII, 388).

Личный повествователь ещё раз подчёркивает отличие людей с чуждинкой от пошлости "золотой середины", заполняющей отсутствие веры в сердце суетой.

Если по отношению к Лизавете Прокофьевне личный повествователь может сыронизировать, то по отношению к Мышкину, Настасье Филипповне, Рогожину ирония не применяется. Здесь открывается сфера невероятного духовного напряжения и накала страстей. Настасья Филипповна настолько нравственна, что единожды признав себя грешницей, не может не осуждать себя вперёд других. Трагизм этой природы усугубляется тем, что она виновна в силу внешних обстоятельств, а не по внутренней безнравственности (объективная и субъективная вина по Кьеркегору). В ней как бы эксплицируется не раз отмеченное Достоевским изре-

чение: "Мне отмщения и Аз воздам". Никому не дано право на осуждение, и, хотя о Настасье Филипповне говорят многие персонажи романа, личный повествователь корректирует слишком поспешные высказывания, а право на окончательный вывод оставляет за собой. Встреча Аглаи и Настасьи Филипповны – это столкновение двух безусловно сильных и гордых натур. Однако, образ Настасьи Филипповны трагичен, а образ Аглаи наивно фанатичен. Аглая спешит осудить, не понимая и ожидая нападок, которых быть не могло. Личный повествователь вмешивается в их разговор со следующим замечанием: "Была ли она женщина, прочитавшая много поэм, как предположил Евгений Павлович, или просто сумашедшая, как уверен был князь, во всяком случае эта женщина, - иногда с такими циническими и дерзкими приёмами, - на самом деле была гораздо стыдливее, нежнее и доверчивее, чем бы можно было о ней заключить, Правда, в ней было много книжного, мечтательного, затворившегося в себе и фантастического, но зато сильного и глубокого... Князь понимал это; страдание выразилось в лице его. Аглая заметила это и задрожала от ненависти". (VII, 473).

Князь, Настасья Филипповна и Рогожин часто совпадают в оценках друг друга и во мнениях о других. Настасья Филипповна и Мышкин похожи ещё и тем, что являются людьми "противоположных жестов" (так говорит о себе сам князь). Настасья Филипповна совершает противоположные жесты (сцена в доме Иволгиных, выходка на вокзале) из-за истерзанной, сочувливой гордости, а Мышкин из боязни не совпасть с окружающим (неадекватное поведение и припадок на смотринах). Князь Христос уже виноват тем, что, принеся с собой чистоту, кротость, смирение в живую жизнь, не смог противостоять ей и доказать этим противостоянием единственную возможность торжества высшей истины в этом мире. Процесс вторичного погружения князя в безумие длителен, не сиюминутен. Если в начале романа Лев Николаевич Мышкин поражает нас тем, что, не адекватно реагируя на людей и ситуации, всегда оказывается прозорливее других, то к концу романа князь начинает теряться в простейших ситуациях, чаще совершает нелепости, вызываемые расслабленным состоянием духа. Так, личный повествователь, часто совпадающий с князем в выводах, вынужден корректировать впечатления князя от людей полусвета, собравшихся у Епанчиных, своими комментариями, хлесткими и разоблачающими. Люди, призванные **оценить** князя, ничтожны. Они мельче того, кто продал Христа, и глупее тех, кто за него заплатил. Но Мышкин не видит этого: "И вот всё-то это общество князь принял за самую чистую монету, за чистейшее золото, без лигатуры". (VIII, 445). Предчувствия Мышкина (о которых он говорит собравшимся) были более верны, чем впечатление от увиденного. Всегда различающий ипостаси "быть" и "казаться", на сей раз он воспринял наносное за суть. Постепенное возвращение князя в состояние помешательства основывается на том, что Достоевский прекрасно понимал невозможность существования в жизни абсолюта. Недаром удивительная минута постижения высшей гармонии у эпилептиков сменяется погружением в тьму припадка. Так неразрывно связаны Мышкин и Рогожин: первый озаряет всё светом несомой истины, второй представляет собой тёмную силу непробуждённых рассудка и души.

И хотя в конце романа Мышкин погружается в безумие, авторская установка Достоевского неколебима: если нет в жизни места абсолюту, то тяготение к нему обязательно, иначе обесмысливается бытие.

**LIK PRIPOVEDAČA U STRUKTURI ROMANA
"IDIOT" F. M. DOSTOJEVSKOG**

Tereza V. Mijiferjyan

U radu se komparativnom metodom analizuje lik pripovedača i mera njegovog prisustva u narativnoj organizaciji teksta, s ciljem da se otkriju autorove pozicije u stvaralaštvu Dostojevskog.